

Heftrich U. Thomas Manns Weg zur slavischen Dämonie. In: *Thomas Mann-Jahrbuch* 8, 1995. S. 71–79.

Koelb C. (Hg.). Thomas Mann's "Goethe und Tolstoy": Notes and Sources, The University of Alabama Press, 1984.

Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Bolschewismus, in: Mereschkowskij, Dmitrij [et al.]. Das Reich des Antichrist. Russland und der Bolschewismus. München, 1921. S. 191–198.

(Monographs)

Deleuz G. / Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, 1991

Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig, 1907.

Gundolf F. Goethe. Berlin, 1920.

Lehmann J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2015.

Magomedova D. Aleksandr Blok: biografiya i poehtika v svete avtobiograficheskogo mifa. [Alexandr Blok. Biography and poetics in view of autobiographical myth] [Opuskula slavica sedlcensia. T. V]. Siedlee, 2013.

Mereschkowskij D.S. Tolstoj und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens. Deutsch von Carl von Gütschow. Leipzig, 1903.

Сведения об авторе:

Жеребин Алексей Иосифович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Область научных интересов: литература Германии, сравнительное литературоведение.

E-mail: zerebin@mail.ru

195112, Санкт-Петербург, Новочеркасский проспект, 26/16, кв. 123.

Zherebin Alexej I. – Doktor of Philology, Professor at the Department of Foreign Literature, The Herzen State Pedagogical University of Russia. Research interests: German and Western literature, Komparative Studies

E-mail: zerebin@mail.ru

Sankt-Peterburg 195112, Novočerkassky prospect, 26/16, 123.

ДОКТОР КРОКОВСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ Т. МАННОМ ПСИХОАНАЛИЗА

Д.А. Беляков

Московский государственный лингвистический университет, Москва

***Аннотация.** Статья посвящена двум малоисследованным в отечественном манноведении вопросам. Во-первых, предпринимается попытка рассмотреть роль психоаналитика Эдвина Кроковского в становлении главного героя романа «Волшебная гора». Подчеркивается, что излагаемое Кроковским учение возникает на горизонте Ганса Касторпа как шанс преодолеть глубинный личностный кризис. Это обстоятельство с течением времени превращает доктора из второстепенного собеседника в одного из главных наставников героя на пути, ведущем к «новому гуманизму». Во-вторых, на примере Кроковского автор статьи исследует эволюцию отношения Т. Манна к глубинной психологии и ее создателям. Показывается, как, проблематизируя и деконструируя несоответствующую реалиям усложнившейся действительности рационально-просветительскую гносеологическую модель, психоанализ З. Фрейда на определенном этапе сам приближается к пределам своих когнитивных возможностей и уступает место юнгианской аналитической психологии, постулирующей более адекватные подходы к динамике психической жизни человека и закономерностям развития его личности. Делается вывод, что процесс индивидуации главного героя «Волшебной горы» постепенно претворяется в сюжетобразующий мотив романа.*

***Ключевые слова:** Томас Манн, манноведение, «Волшебная гора», новый гуманизм, Зигмунд Фрейд, психоанализ, Карл Густав Юнг, аналитическая психология.*

DOCTOR KROKOWSKI AND SOME SPECIAL ASPECTS OF THOMAS MANN'S RECEPTION OF PSYCHOANALYSIS

***Abstract.** The article is devoted to two under-investigated issues in Russian Thomas Mann Studies. On the one hand, an attempt is made to consider the role of the psychoanalyst Edvin Krokowski in the personal formation of the protagonist of the novel "The Magic Mountain". It is emphasized that the theory presented by Krokowski arises on the horizon of Hans Castorp as a chance to overcome a deep identity crisis. This circumstance gradually turns the doctor from a secondary interlocutor into one of the main mentors of the protagonist on the path leading to "new humanism". On the other hand, on the example of Krokowski the author of the article explores the evolution of Th. Mann's attitude towards*

depth psychology and its creators. It is explicated that having destructed the rational-enlightened gnosiological model Freud's psychoanalysis reaches its cognitive limit and gives place to Jungian analytical psychology, the more adequate method of study of human's emotional experiences. The author comes to the conclusion that the individuation process of Hans Castorp becomes gradually a plot-forming motive of the novel.

Key words: *Thomas Mann, Thomas Mann Studies, "The Magic Mountain", new humanism, Sigmund Freud, psychoanalysis, Carl Gustav Jung, analytical psychology.*

Длительный период работы над романом «Волшебная гора», задуманным в 1913 г. и опубликованным в 1924 г. – время не только глобальных исторических перемен, но и значительной трансформации политических, эстетических и мировоззренческих установок Томаса Манна. Эволюционировали и взгляды писателя на психоанализ. Цель статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, рассмотреть роль психоаналитика Эдвина Кроковского в становлении главного героя «Волшебной горы» Ганса Касторпа, а с другой стороны, пролить дополнительный свет на проблему художественной и философско-антропологической рецепции Т. Манном психоаналитического учения.

Томас Манн и Зигмунд Фрейд

На протяжении 1910-х гг. отношение Т. Манна к теории З. Фрейда было скорее настороженным, о чем – среди прочего – свидетельствует статья «Старик Фонтане» (1910), а также «Размышления аполитичного» (1918).

В силу своего консерватизма Манн с подозрением отнесся к сексуальности как базовому принципу психоанализа и акцентированию иррационального начала в человеческой психике. При этом следует заметить, что, с одной стороны, первое знакомство писателя с психоанализом было достаточно поверхностным. С другой стороны, «его истинный облик, – как справедливо отмечает М. Диркс, – был еще неразличим» [Dierks 1995, 175], поскольку примитивно понятое учение Фрейда проповедовалось большим числом дилетантов и откровенных шарлатанов.

В 1920-х гг. подход к психоаналитическому учению претерпевает серьезные изменения. Манн приобретает собрание сочинений Фрейда, приступает к тщательному изучению его трудов, вступает с ним в переписку, знакомится лично. Впоследствии он создаст целый цикл заметок и статей по психоанализу: «Мое отношение к психоанализу» (1925), «Место Фрейда в современной истории духа» (1929), «Фрейд и будущее» (1936).

Ретроспективно обзревая свое творчество, Т. Манн так объяснял логику собственной эволюции: «Стоило мне как повествователю перейти от бюргерски-индивидуального к мифически-типическому, моя тайная связь

с психоаналитической сферой вступила, так сказать, в свою активную стадию» [Манн 2008, 209].

Следует заметить, что непрерывно эволюционировал и сам З. Фрейд: если в 1900–1910-х гг. в его работах доминирует психотерапевтическая, клиническая составляющая, то в 1920–1930-х гг. акцент смещается на близкую Т. Манну философско-антропологическую проблематику.

В заметке «Мое отношение к психоанализу», появившейся в печати сразу после выхода «Волшебной горы», Т. Манн отмечает, что доктор Кроковский – «фигура несколько комичная, но комизм его, пожалуй, есть лишь своего рода компенсация глубокого признания, которое автор выражает психоанализу в недрах своего творчества» [Манн 1990, 749]. Забегая вперед, отметим: излагаемое Кроковским учение возникает на горизонте Ганса Касторпа как шанс разобраться в «разнобое и беспорядке» собственной психики, что стремительно превращает доктора из второстепенного собеседника в одного из главных наставников героя.

Ганс Касторп и Эдвин Кроковский

Обратимся к тексту «Волшебной горы». Помимо эпизода (Unterkapitel) «Психоанализ» (середина главы 4), описывающего первое посещение лекции доктора Кроковского, психоаналитические опыты героя изображаются еще в двух эпизодах: «Перемены» (начало главы 6), кратко информирующем о развитии взаимоотношений Ганса и Кроковского, и «Очень сомнительное» (конец главы 7), описывающем участие героя в организованном психоаналитиком спиритическом сеансе.

Значительная часть подробностей знакомства Касторпа с психоанализом, хронологически расположенная между этими точками, не отражена в тексте романа, однако этот процесс, несомненно, протекал интенсивно и системно. Известно, что Ганс продолжает регулярно, раз в две недели, посещать публичные лекции Кроковского. Кроме того, на определенном этапе он начинает проходить индивидуальные сеансы психоанализа. В эпизоде «Перемены» описывается, как Иоахим оказывается случайным свидетелем исчезновения кузена в «аналитическом подземелье» Кроковского. В эпизоде же «О граде божьем и о лукавом избавлении» Касторп размышляет о том, чем Кроковский «с недавних пор занимался с ним в тиши затемненного кабинета» [69]¹. Т. Манн прибегает к излюбленной технике нарративного эллипсиса,

¹ Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: Манн Т. Волшебная гора (главы шестая-седьмая) // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 4. 541 с. В квадратных скобках указывается номер страницы.

заставляя читателя лишь догадываться о случившемся посредством намеков. Собственно говоря, в свете теории психоанализа беседы Ганса и Кроковского и должны оставаться «за кадром», поскольку еще во «Введении в психоанализ» (1916–1917) Фрейд отмечал, что психоаналитический сеанс категорически не допускает присутствия постороннего, ставящего под угрозу «волшебную силу» (*Zauberkraft*) врача [Фрейд 2009, 9–10].

Фигура доктора Эдвина Кроковского нарочито парадоксальна. Парадоксально первое впечатление Касторпа от Кроковского, будто бы сочетающего в себе основательность и идеалистичность. Парадоксальна «чернявая бледность» доктора: его необычайно прозрачное, просвечивающее лицо и свинцово-черные брови, борода и костюм. Парадоксальна постулируемая Кроковским принципиальная двусмысленность явлений. Наконец, парадоксально расположение рабочего места Кроковского. Психоаналитический кабинет находится на так называемом «подвальном» этаже, из которого – по причине крутизны горного склона – открывается вид на альпийскую долину. Работая одновременно и над землей, и под ней, Кроковский словно посредничает между сферами духа и тела. Приобщающее к учению Фрейда посещение лекции Кроковского способствует интенсивному расширению сознания героя. Ощущение «неустойчивости смысла» (*schwankender Sinn*), порожденное амбивалентными формулировками доктора, прежде было незнакомо Гансу, привыкшему к четкому изложению материала на лекциях по кораблестроению, но именно оно запускает механизм осмысления и изживания полимотивного внутреннего кризиса, остро ощущаемого по прошествии первой недели «наверху».

В частности, «блаженный восторг» предстает проекцией неведомой ранее стихии бессознательного. Смутно ощущаемое столкновение «бездонных преимуществ греха» и «гнета чести» оказывается конфликтом инстинктивных влечений и требований культуры. Трудоемкий поиск баланса между ними становится смыслом пребывания Касторпа на «волшебной горе».

Второй элемент душевного кризиса Ганса – интерес к «невоспитанной» Клавдии Шоша – также коренится в бессознательном. Клавдия как бы указывает Гансу на те черты его характера, которые ощущаются им как наиболее опасные: склонность к созерцательности, отсутствие интереса к практическому труду, известная болезненность. Другими словами, некоторые важные бессознательные стремления Ганса «проецируются» на мадам Шоша. Именно поэтому консервативное («равнинное») сознание героя до поры инерционно противится признавать власть своих чувств к ней. В свете фигуры Пшибыслава Хиппе взаимоотношения Ганса и Клавдии иллюстрируют

процесс «возвращения вытесненного». Извилистым путем вытесненные влечения к польскому однокласснику возвращаются любовью к русской пациентке.

«Ограничивающее» воздействие аргументации Сеттембрини являет собой третий элемент кризиса Ганса. Психоанализ отводит итальянцу место проекции культуры – «Сверх-Я». В этой связи понятна сюжетообразующая антагонистичность образов Сеттембрини и Клавдии, соотносящихся друг с другом как «Сверх-Я» и подчиненное принципу удовольствия «Оно». «Я» Касторпа оказывается в промежуточном положении между ними. В «разряженной» атмосфере «Волшебной горы» описанные Фрейдом защитные механизмы рационализации, сопротивления и вытеснения, обеспечивающие устойчивость бюргерской психологии, все очевиднее дают сбой, подготавливая символическое прощание героя с Сеттембрини на карнавале.

Истоки четвертого элемента «разнобоя и беспорядка» – недомогания, а затем и болезни Ганса – проясняет будоражащий санаторную общественность тезис Кроковского о вторичном характере органических явлений. Самочувствие Ганса объясняется феноменом «бегства в болезнь» – неосознаваемого стремления к заболеванию как способу ухода от конфликта с реальностью.

Таким образом, волей истории гносеологическая модель героя обречена на радикальные трансформации. В свете психоанализа картезианско-просветительский рационализм сводится лишь к «рационализации» – одному из многочисленных «защитных механизмов» психики.

Несмотря на нередко звучащий в адрес Кроковского ироничный тон (достаточно вспомнить сомнения секундантов накануне дуэли в умении этого «спиритуалиста» перевязать рану), повествователь не склонен недооценивать познавательную продуктивность психоаналитических штудий доктора. Эдвин Кроковский выступает одним из компетентных проводников на пути, ведущем к «новому гуманизму». Особенно наглядно это проявляется в эпизоде «Мингер Пеперкорн (продолжение)». Описывая душевный русский поцелуй, подаренный Клавдией Гансу после ее возвращения в «Бергхоф», повествователь не упускает возможности проанализировать его сложную природу и при этом «невольно» привлекает некоторые положения из лекций Кроковского. Положения эти при первом упоминании характеризуются как «далеко не бесспорные и даже зыбкие» – ведь феномен любви трактуется доктором неоднозначно: и как благоговейное чувство, и как плотская страсть. В дальнейшем, однако, эта амбивалентность описывается повествователем как единственно возможное, соразмерное целому человеческой личности, определение: «Разве это не прекрасно и не возвышенно, что в языке

существует одно слово для всего, что под ним разумеют, начиная от высшего молитвенного благоговения и кончая самым яростным желанием плоти? Тут полное единство смысла в двусмысленности...» («vollkommene Eindeutigkeit in der Zweideutigkeit») [363]. Этот парадоксальный тезис берется на вооружение повествователем, а затем и Гансом Касторпом с подачи Эдвина Кроковского. Личность психоаналитика, его бытовое поведение и научные взгляды лейтмотивно увязываются с концептами «зыбкости» и «двусмысленности», которые в контексте эволюции Ганса положительно трансформируются в новое, более адекватное усложнившейся действительности качество.

Рассмотрим еще одну принципиальную характеристику Кроковского. Исследовательская позиция доктора такова, что научное содержание его лекций не противоречит, а гармонично сочетается с поэтичной манерой изложения. Таким образом, фигура психоаналитика предвосхищает возможность *гуманистического синтеза* науки и искусства, к которому взрослеющий Касторп придет в эпизодах «Изыскания» и «Избыток благозвучий».

«Очень сомнительное»?

Особого внимания заслуживает эпизод «Очень сомнительное». Распространенная интерпретация изображенных в нем событий в качестве подтверждения окончательной дискредитации научной позиции доктора Эдвина Кроковского [ср.: Neumann 2001, 68] нуждается в существенной коррекции.

Прежде всего стоит обратить внимание на буквальное значение немецкого прилагательного *fragwürdig*, субстантивированный суперлатив которого лежит в основе оригинального названия эпизода (“*Fragwürdigstes*”) – «достойный спроса». Оживление этимологии лейтмотива меняет акценты восприятия, поскольку сближает его с ключевой авторской характеристикой эволюционирующего Касторпа, этого «вопрошающего» героя (*der Fragende*) [Манн 1960, 169].

Ироничный, а порой и насмешливый тон автора в адрес предпринятого Кроковским перевода «главного аттракциона заведения» – психоанализа – на «путь магии» сменяется замечанием, проблематизирующим исходный тезис: «философские горизонты настолько расширились, что перед слушателями вдруг вспыхивали такие загадки, как связь между материей и психикой, и даже загадки относительно сущности самой жизни, приблизиться к решению которых, оказывается, можно было скорее дорогами жути и болезни, чем здоровья...» [441].

То обстоятельство, что научные интересы Кроковского и проблематика его лекций с течением времени претерпевают существенную коррекцию, прочитывается как факт непрерывного исследовательского поиска, отверга-

ющего монологические «истины». Именно эта недогматичность психоаналитика подкупает сторонящегося готовых ответов Ганса.

И вот уже автор желает «посрамить легковверные умы», усмотревшие в научных изысканиях Кроковского неподобающие интимные мотивы, тогда как на самом деле действующего на свой страх и риск ученого направляет «логическая последовательность» и «сама необходимость». Следующая характеристика доктора в эпизоде – «патологический идеалист», противопоставленный «материалисту, опирающемуся лишь на философию ядреного здоровья (*der bloßen Robustheit*)» [442], – раскрывается в контексте всего творчества Т. Манна как сугубо комплиментарная.

Анализ участия Ганса в спиритическом сеансе, осуществляемый в контексте его личностного роста, выявляет два аспекта. Во-первых, именно Гансу Кроковский поручает контролировать медиума – Элли Бранд. Эти «особые, почетные права» соответствуют этапу эволюции героя, пытающегося посредничать между сферами духа и жизни, т.е. самому выполнять в личностном отношении функцию медиума. Во-вторых, две детали обнаруживают познавательную продуктивность спиритизма. Вызываемый участниками сеанса дух Холгера дает Гансу правильный ответ на вопрос героя об итоговом сроке его пребывания в «Бергхофе». Напомним, что вопрошающему надлежало «пройти свою комнату поперек» (“*quer durch sein Zimmer gehen*”) [457]. «Ходьба» поперек номера 34 разделяет это число на 3 и 4, сумма которых указывает на роковую для Касторпа семерку. Дух Иоахима же предстает перед собравшимися в военной форме, с саблей и кобурой на поясе, недвусмысленно указывая на надвигающуюся на континент мировую войну.

От психоанализа к аналитической психологии

В свете высказанных положений роман Т. Манна «Волшебная гора» предстает ярким примером продуктивной встречи литературы и глубинной психологии, пережившей бурное развитие в начале XX в. – в эпоху, которая, по выражению А. И. Жеребина, «узнавала себя в образах болезни» [Жеребин 2011, 414]. Однако логика сюжета и вектор эволюции героя демонстрируют, что речь здесь не только о художественной объективации перехода от бюргерского психического синкретизма к дифференциации сознательно-бессознательного содержания психики. В недрах глубинной психологии, олицетворяемой доктором Кроковским, определенно просматриваются очертания исторически закономерного перехода от психоанализа З. Фрейда к аналитической психологии К. Г. Юнга. Приведем несколько примеров из рассмотренного выше эпизода «Очень сомнительное».

Во-первых, рассуждения повествователя о глубинных связях между «индивидуальной» и «общей» душой недвусмысленно коррелируют с феноменом коллективного бессознательного. На страницах своего романа Т. Манн обращается к этой психической реальности почти одновременно с ее активной разработкой К. Г. Юнгом (сам термин «коллективное бессознательное» введен швейцарцем в научный обиход в 1916 г.).

Во-вторых, символичен и исторически мотивирован момент перехода к исследованию оккультизма. Позитивистской по своей сути программе Фрейда, состоящей в обращении ведомого сексуальной энергией либидо «Оно» в «Я», Юнг противопоставляет реабилитацию культурной ценности бессознательного, осуществляемую им с опорой на сравнительную мифологию, историю религии и литературы, средневековую мистику, антропологию и этнографию.

Наконец, в-третьих, известно, что в основу эпизода «Очень сомнительное» положены впечатления писателя от личного участия в спиритическом сеансе, проведенном известным парапсихологом А. Шренк-Нотцингом в 1923 г. Этот опыт был подробно описан Манном в статье «Оккультные переживания». Однако за пределами внимания критики часто остается тот факт, что Шренк-Нотцинг активно сотрудничал с Юнгом в 1920-х гг., проводя с ним исследования в цюрихской клинике «Бургхольци» [Jaffé 1982, 23]. Этим обстоятельством косвенно обуславливается еще один юнгианский подтекст данного эпизода.

На страницах «Оккультных переживаний» Манн пишет, что наблюдаемое им в течение сеанса «болото духов» – кощунство, издевательство над человеческим достоинством, но при этом делает важную оговорку: «Обладают ли понятия достоинства и хорошего вкуса весомыми правами там, где речь идет о науке, об исследовании истины?» [Манн 2009, 83]. Эту мысль не дано вербализовать Касторпу, однако он во многом реализует ее на практике. И далее Манн недвусмысленно обозначает свою позицию, подчеркивая, что «лишь средний академический уровень подвержен опасности научного чванства», состоящего в самодовольном игнорировании всего противоречащего «точному» знанию о природе и жизни [Манн 2009, 107]. Релевантность вышеприведенных размышлений писателя в свете психоаналитической проблематики «Волшебной горы» подтверждается тем, что статья «Оккультные переживания» фигурирует в числе трех «прямых духовных отпрысков» романа [Манн 1960, 161].

Юнгианский подтекст и контекст романа не исчерпываются вышеизложенными наблюдениями. Как нами было показано ранее [Беляков 2014],

«Волшебная гора» раскрывает эстетический потенциал иной фундаментальной категории аналитической психологии Юнга – процесса индивидуации.

В свете этого подхода все главные действующие лица романа предстают элементами своеобразной архетипической матрицы, ведущей к пробуждению в душе Ганса Касторпа Самости – т.е. архетипа целостности – равноудаленного как от сознания, так и от бессознательного. Характерно, что Т. Манн говорил об идее середины как о лейтмотиве романа.

Кульминационную фазу автономного процесса индивидуации знаменуют события эпизода «Снег». Попытка убежать от себя непреднамеренно подводит героя к возможности возвратиться к себе – найти себя. Посредством символического «снежного» видения к герою приходит понимание того, что оба педагога: и Нафта – «злой сладострастник» (*wollüstig und boshaft*), и Сеттембрини – дискредитирующий гуманизм бесконечной игрой на «дудке разума» (*Vernunfthörnchen*) – «болтуны». Касторп осознает, что «воспитатели» исчерпали свои монологические аргументы, и принимает ответственное решение дистанцироваться от них и положиться на самого себя. «Человек – хозяин противоречий» [215] – так звучит одна из новоиспеченных максим Ганса: противоречий между жизнью и смертью, духом и телом, наконец – по Юнгу – между различными архетипическими фигурами бессознательного.

Момент спонтанного востребования Самости, манифестируемый в главе о лыжной вылазке Ганса, объективируется на различных уровнях. С одной стороны, привычно парадоксально. «Шестиугольное неистовство» – такие слова находит Т. Манн для описания снежной бури, этого «хаоса белой тьмы», вырастающего в символ примирения противоположностей: именно в конструктивно-деструктивной стихии, экстерииорирующей динамику бессознательных процессов, герой приходит к своим принципиальным открытиям. С другой стороны, нарративно: ведь это один из немногих моментов в романе, когда фабульное время (*erzählte Zeit*) почти полностью совпадает с повествовательным (*Erzählzeit*). Наконец, чисто графически. «*Во имя любви и добра человек не должен позволять смерти господствовать над его мыслями*» [216], – единственное в романе выделенное курсивом предложение предстает его обобщающим итогом.

Томас Манн и Карл Густав Юнг

В заключение необходимо остановиться на истории взаимоотношений Т. Манна и К. Г. Юнга.

Известно, что в 1920-х гг. отношение автора «Волшебной горы» к личности и трудам швейцарца было сугубо положительным. По инициативе Манна

состоялось их личное знакомство в мюнхенском доме писателя. В течение следующих лет они, по-видимому, обменялись несколькими письмами [см.: Bishop 1999].

В 1930-х гг. наступает перелом в отношении Манна к К. Г. Юнгу. Дело в том, что в 1933 г. швейцарец, сменяя на этом посту еврея Э. Кречмера, становится президентом Немецкого общества психотерапевтов, а также главным редактором его печатного органа – «Журнала по психотерапии и смежным областям» и занимает эти должности вплоть до 1940 г. Многие интеллектуалы восприняли этот шаг как выражение открытой симпатии нацистскому режиму. Начиная с середины 1930-х гг. на страницах писем и дневников Т. Манна все чаще появляются критические замечания в адрес Юнга.

Ирония судьбы состоит в том, что Манн пишет их, находясь в добровольной эмиграции, в тот момент, когда сам он еще публично не высказал осуждения новой нацистской власти и многие европейские интеллектуалы взирают на него самого с тем же неодобрением, с каким он смотрит на Юнга. Психоаналитик усмотрел бы здесь защитный механизм проекции: К. Г. Юнг в известном смысле выступает в качестве Тени Т. Манна.

В любом случае, какие бы изменения ни претерпевало отношение Т. Манна к личности швейцарского мыслителя в 1930-х гг., его интерес к аналитической психологии не ослабевал. Сам же образ К. Г. Юнга попадает под защитную амнезию: отныне Манн фактически приписывает его идеи более «конвенциональным» мыслителям: З. Фрейду и, отчасти, К. Кереньи.

Выводы

В уже упоминавшейся речи «Фрейд и будущее» Т. Манн, одобрительно размышляя об ориентации глубинной психологии на депатетизацию жизни и проблематизацию ее наивности, остроумно оживляет этимологию немецкого слова “Bescheidenheit” (скромность), происходящего от “Bescheid” (информация, “Bescheid wissen” – владеть какой-либо информацией). «Скромность оттого, что ты в курсе дела, – заключает Т. Манн, – предположим, что таково и будет главное настроение весело отрезвевшего мирного мира, приблизить который призвана, быть может, и наука о бессознательном» [Манн 2008, 216].

Именно такова природа поведения «солнечных людей» из видения главного героя «Волшебной горы», их «разумного и благородного товарищества» на фоне «омерзительного кровавого пиршества» [214]. Именно такова природа интереса Ганса Касторпа к Кроковскому. Именно такова природа интереса Томаса Манна к Фрейду и Юнгу.

Литература

- Беляков Д.А. Эволюция главного героя романа Т. Манна «Волшебная гора» в свете аналитической психологии К.Г. Юнга // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Филологические науки. 2014. № 21 (707). С. 18–44.
- Жеребин А.И. Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. СПб., 2011.
- Манн Т. Введение к «Волшебной горе» // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 153–171.
- Манн Т. Оккультные переживания // Томас Манн. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / под ред. И. Эбаноидзе. М., 2009. С. 81–110.
- Манн Т. Фрейд и будущее // Манн Т. Путь на Волшебную гору / сост. С.К. Апта. М., 2008. С. 198–217.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. СПб., 2009.
- Bishop P. Thomas Mann and C. G. Jung // Jung in Contexts / Ed. P. Bishop. London and New York, 1999. P. 154–190.
- Dierks M. Doktor Krokowski und die Seinen. Psychoanalyse und Parapsychologie in Thomas Manns “Zauberberg” // Das “Zauberberg”-Symposium 1994 in Davos / Hrsg. von Th. Sprecher. Frankfurt am Main, 1995. S. 173–196.
- Jaffé A. Aufsätze zur Psychologie C.G. Jungs. Einsiedeln, 1982.
- Mann Th. Mein Verhältnis zur Psychoanalyse // Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bänden. Frankfurt am Main, 1990. Bd 13. S. 748–749.
- Neumann M. Thomas Mann. Romane. Berlin, 2001.

References

(Primary sources)

- Mann Th. Freyd i budushcheye [Freud and the Future]. Mann Th. *Put' na Volshebnyuyu goru* [Path to the Magic Mountain]. Moscow, 2008. Pp. 198–217. (In Russian).
- Mann Th. Mein Verhältnis zur Psychoanalyse [My Attitude to Psychoanalysis]. Mann Th. *Gesammelte Werke in 13 Bänden* [Collected Works in 13 Volumes]. Frankfurt am Main, 1990, vol. 13. Pp. 748–749. (in German).
- Mann Th. Okkul'tnyye perezhivaniya [Occult experiences]. Thomas Mann. *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [Thomas Mann. The Aristocracy of the Spirit. Collection of Articles and Essays]. Moscow, 2009. Pp. 81–110. (In Russian).
- Mann Th. Vvedeniye k “Volshebnoi gore” [Introduction to the “The Magic Mountain”]. Mann Th. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works in 10 Volumes]. Moscow, 1960, vol. 9. Pp. 153–171. (In Russian).

(Articles from Scientific Journals)

Belyakov D.A. Evolyutsiya glavnogo geroya romana T. Manna "Volshebnyaya Gora" v svete analiticheskoy psikhologii K.G. Yunga [The Evolution of the Protagonist in Th. Mann's Novel "The Magic Mountain" in Light of Jungian Analytical Psychology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki*, 2014, no. 21 (707). Pp. 18–44. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Bishop P. Thomas Mann and C. G. Jung. *Jung in Contexts*. London and New York, 1999. Pp. 154–190. (In English).

Dierks M. Doktor Krokowski und die Seinen. Psychoanalyse und Parapsychologie in Thomas Manns "Zauberberg". *Das "Zauberberg"-Symposium 1994 in Davos*. Frankfurt am Main, 1995. Pp. 173–196. (in German).

(Monographs)

Freud S. *Vvedeniye v psikhoanaliz: lektsii* [Introduction to psychoanalysis: lectures], Saint-Petersburg, 2009. (In Russian).

Jaffé A. *Aufsätze zur Psychologie C.G. Jungs*. Einsiedeln, 1982. (in German).

Neumann M. *Thomas Mann. Romane*. Berlin, 2001. (in German).

Zherebin A.I. *Vertikal'naya liniya. Venskiy modern v smyslovom prostranstve russkoy kul'tury* [The Vertical Line: The Viennese Modern in the Semantic Space of Russian Culture]. Saint-Petersburg, 2011. (In Russian).

Сведения об авторе:

Беляков Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный лингвистический университет, переводческий факультет, старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы. – Научные интересы: немецкая литература XVIII–XX вв., творчество Томаса Манна.
E-mail: d_belyakov@bk.ru

Belyakov Dmitry A., Ph.D. in Philology, Moscow State Linguistic University, Faculty of Translation and Interpreting, Senior Lecturer at Department of Russian and World Literature. Research areas: German Literature of the 18-20th Centuries, Thomas Mann Studies.

E-mail: d_belyakov@bk.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ
КАК НЕОБХОДИМЫЕ ФАКТОРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ РОЗЫ АУСЛЕНДЕР)**

Г.В. Синило

Белорусский государственный университет, Минск

Аннотация: В статье на примере выдающейся немецкоязычной поэтессы Розы Ауслендер (1901–1988) показано, как знание социокультурного контекста и биографического «кода» является ключом к пониманию особенностей поэтики, индивидуального стиля автора, а также необходимым дополнением к методу целостной интерпретации художественного текста. Творчество Р. Ауслендер порождено поликультурной ситуацией Буковины и генетически связано с различными культурами. Духовный и реально-исторический ландшафт, сформировавший личность поэтессы и определивший хронотоп ее поэзии — это ландшафт Черновиц, города, в котором вели плодотворный диалог различные культуры и который сама поэтесса называла «городом, где побратались четыре языка», прежде всего немецкий, румынский, украинский, идиш. Социокультурная ситуация в Буковине, ставшей после раздела Речи Посполитой составной частью Австрии, привела к тому, что языком творчества многих поэтов — уроженцев Черновиц и евреев по происхождению стал немецкий (самые известные из них — П. Целан и Р. Ауслендер). Утверждается, что поэтические тексты Р. Ауслендер не вполне открываются читателю вне контекста диалога немецко-австрийской и еврейской культур, вне знания специфики хасидской традиции, равно как и традиции поэзии Ф. Гёльдерлина и Г. Тракля, вне библейского контекста, а также вне контекста трагических событий Холокоста, во многом определивших судьбу поэтессы.

Ключевые слова: немецкоязычная поэзия XX в., поэзия Розы Ауслендер, австрийская культура, немецкая культура, еврейская культура, хасидизм, Библия, социокультурный контекст, биографический «код», целостная интерпретация художественного текста.

**SOCIO-CULTURAL AND BIOGRAPHICAL CONTEXTS
AS NECESSARY FACTORS FOR TEXT INTERPRETATION
(USING ROSE AUSLÄNDER'S POETRY AS AN EXAMPLE)**

Abstract: We demonstrate how the knowledge of socio-cultural contexts and biographical "code" can be key to understanding peculiarities of poetic methods and individual style of an author as well as how it can serve as a necessary addition to the method of holistic